

Особенности русской лексики и фразеологии в Астраханской колонии XVII века

В в е д е н и е

Историю Великороссии невозможно оторвать от истории других народов СССР, а также от истории общеевропейской и вообще мировой истории (— замечания товарищей Сталина, Жданова, Кирова по поводу конспекта по истории СССР. 8-VIII-34 г.). То же самое, естественно, нужно сказать и об истории русского языка: тысячами нитей, и притом очень сложных и разнообразных, она сплетена с историями языков народов СССР, а также народов Западной Европы и Азии.

В частности, перед историком русского языка неизбежно встает вопрос об этранжизмах, т. е. системах иностранных слов, проникавших в русский язык в разное время в неразрывной связи со всем ходом исторических событий в жизни русского народа, а также того или иного его соседа.

Процесс вхождения этранжизмов в русский язык ни в коем случае нельзя считать процессом механическим или случайным: все этранжизмы заимствовались **исключительно в своих актуальных интересах** русским народом, перераставшим, примерно, с XVII века в нацию. (Ленин. «Что такое дружба народа»). В условиях роста буржуазных связей в стране, возглавляемая царизмом русская нация росла и крепла в хозяйственном и культурном отношениях и потому стремилась получить от своих соседей то, что было нужно для ее укрепления и развития. Она брала, в частности, в аннексированных царизмом областях, например, в Поволжье (от Казани до Астрахани) и Сибири, как раз то, что помогало этому ее росту и развитию и одновременно ослабляло подчиненные царизму народы.

Поэтому именно необходимо говорить и об **особой языковой политике русского царизма**, своеобразно маневрировавшего в своем руководстве многонациональным государством с помощью специфического языка правительственных документов.

Царизм (в частности, в XVII веке), по мере надобности и в своих интересах, узаконивал этранжизмы в своем официальном приказном языке (напр. в царских указах и отписках воевод встречаются часто татаризмы—«юрт», «ясырь», «ясак», «хабарщик», «сакма», «аманат», калмыцизмы — «тайша», «шерть», «шертовать» и пр.)¹, но все же послед-

¹ «Юрт» — область, «ясырь» — пленные, «ясак» — подать мехами и деньгами, «хабарщик» — посланец, «сакма» — конский след, «аманат» — заложник, «Тайша» — калмыцкий старшина, «шерть», «шертовать» — присяга, присягать.

ний был прежде всего русским национальным языком, языком победителей и колонизаторов в «тюрьме народов» — Московском государстве.

В этом господствующем, правительственном языке XVII века особый интерес представляет **лексический материал**, особенно же специфический активный **фразеологический слой**, звучащий в указанный век доминирующими нотами в языке царизма и русской нации.

Автором данной работы собран и подвергнут анализу этот лексический и фразеологический материал, с учетом его разновидностей в метрополии и в колониях, в частности — в Астрахани XVII века. Краевая, астраханская разновидность русской лексики и фразеологии характеризуется здесь прежде всего неизбежным и целесообразным для царизма и русской нации вовлечением в нее очень значительных инонациональных лексических материалов — татарских, персидских, калмыцких, киргизских и др.

Но, вместе с тем, это, конечно, типичная лексика и фразеология русского царизма, властно преследующего свои особые коммерческие и дипломатические цели на территории своей «украинной» колонии — Астрахани, специфический рынок которой издавна имел притягательную силу не только для стран ближнего, прикаспийского Востока, но и для коммерсантов западной Европы.

Наконец, Астраханский край был в XVII веке той особой в Московском государстве территориальной базой, на которой развивалась ярко своеобразная лексика и фразеология русского трудового — рыбацкого и бурлацкого люда, причем от этого народного корня дала свои буйные побеги грозная для царизма Разинская фразеология.

Нужно признать, что работ по лексике и фразеологии XVII века у нас нет; даже не собран в достаточном количестве соответствующий фактический материал, напр. в Астрахани. Эти трудности полностью испытал автор данной работы, которому пришлось изучить не менее 200 документов в Астраханских архивах, исследовать самый разнообразный краеведческий материал, чтобы получить для систематизации и анализа необходимый материал, который, думается, представляет известный интерес и для историков русского языка и для историографов народов СССР.

Глава 1. В «тюрьме народов», именуемой Московским государством XVII века, далеко не последним из сильно действующих средств в политике царизма был словесный гипноз широковещательного и многошумящего **государева титула**, в котором с предельной ясностью и полнотой были указаны пути и цели русского царизма XVII века. Вот почему государевы приказы на Москве и государевы воеводы на местах, например в Астрахани, как зеницу ока, блюли величие и нерушимость фразеологии пышного государева титула, которым неизменно начиналось каждое властное волеизъявление в государевых указах и распоряжениях, именем государя, его воевод¹.

---

¹ Заезжий лингвист и публицист XVII в. Ю. Крижанич назвал фразеологию этого титула «ложью, смешными, суетными и мечтательными титулами». «Титул наших государей сочинен вопреки природе языка и народа славянского, которая любит простоту», — добавляет Крижанич.

Другим «педагогическим» приемом для воспитания в массах верно-подданической идеологии служил неизблемый **приказный фразеологический стандарт челобитных** на государево имя.

Челобитные, подававшиеся в XVII веке астраханским воеводам, естественно, выдержаны в указанном стиле, через который, правда, пробивается иногда живое народное просторечье.—«Царю и великому государю... (титул) **бьет челом сирота твой** астраханской посадской человек **Ганка** Ларионов сын Ганчик... По твоему, в. государя, указу положено было на стружишко мой на клад твоего, в. государя, товару, который был послан к Макарьевской армарке, а за тот провоз доведется взять мне, сироте твоему, за пуд по пяти алтын, и тех денег мне не выдано... В. государь (титул), **смилуйся, пожалуй**. Встречаются униженные челобитные и иноземцев. — «Царю и в. государю (титул) бьет челом сирота твой иноземец **Никитка** Борисов. В нынешнем 1700-м году крестился я, сирота твой, в православную христианскую веру. Милосердный великий государь (титул), **пожалуй меня**, сироту своего, за крещение и за святую православную веру, **чем тебе, в. государю, бог по сердцу известит**»¹.

Но в том же XVII веке царский трон и вся система царизма нередко беспомощно колебались под мощным напором частых народных волнений, вызванных «**нужей**» и «**затеснением**» крепостного крестьянства. Крупнейший помещик и ростовщик XVII века Морозов неоднократно признавал в своей переписке с вотчинами, что его крестьяне «**дуруют**» «**огуряются**», «**мотчают**», «**делают прогулки**», среди них «**идет язычная молвка**», по адресу помещика раздается «**неподобная лая**». И по адресу царя, как совсем иное его титулование, часто раздавались в массах «**невместимые слова, чего в ум нельзя взять**», так доносили, напр. Сибирские воеводы. Ясно, что в беспокойной Астрахани эти «**невместимые слова**» были нередким явлением и фразеологии царских указов противопоставлялись «**прелестные письма**» разинцев с грозными призывами — «**итти вверху и побивать и выводить изменников-бояр**». (Рукописи Астрах. архива).

Напряженная классовая борьба в Московском государстве XVII века вызвала столкновение двух антагонистических речевых потоков, шедших от царизма и от народных масс; правительственной лексике и фразеологии противостала гневная народная «**язычная молвка**». Не менее характерные противоречия обнаружались в XVI—XVII веке при столкновении различных культур и языков — победителей — русских и побежденных народов в Московских колониях, например, в Казани и Астрахани.

Царь Иван Грозный в 1551-ом году писал: «и мы, ож бог даст, **астраханское дело хотим делати по весне. А сего лета ныне нам дела делати нельзя**, потому что ныне **делаем свое дело казанское**»... В первое время царизм цинично, «по-деловому» говорил об астраханской и казанской аннексии, как о «**своем деле**». Но позже (в 1554 г.) Грозный вынужден был добавить, что он «**добывал своего казанско-го юрта**»; введение татарского слова «юрт» и употребление местоиме-

¹ Иноземцу Борису пожаловано «пять рублей», посадскому человеку Ларионову выплачено «25 алтын и 2 денги».

ния «свой» на первое время должно было указать на «права наследования» русского царя в татарских ханствах, чтобы несколько успокоить общественное мнение. Преемники Грозного однако нашли излишними дальнейшие рассуждения о наследных правах на татарский «юрт»: они заменили формулу Грозного всероссийской стандартной формулой — «**государева отчина**».

Фразеология первых воевод в Астраханской «**государевой отчине**» отличалась предельной жестокостью типичнейших завоевателей: — «**если кто только захочет воевать и будут пойманы живые, то первее (Астраханский воевода) прикажет отрубить руки и ноги, потом живого отдаст на съедение собакам**». (Астраханская «Ключаревская летопись»). На старом месте города Астрахани были поставлены «убойственные орудия для страха всех орд, как то виселицы, крюки—прицеплять за ребро, колесовать руки и ноги, бить кнутом, дабы, видя сии страшилища, татары больше не помышляли о покорении Астрахани». (Астраханская «Ключаревская летопись»).

При таком положении неизбежным был выход: «... **вся земля астраханская соединилась, государю (титул) всеа Руси и его детям правду дала и дань на себя наложила**» («Летописец Нормантского»)¹. «**Казанского ради и астраханского царствия победы**» в Москве на Красной площади был построен храм Василия Блаженного, а в Кремле была учреждена «**Казанская изба**» (позже—«**Приказ Казанского дворца**»), т. е., говоря современным языком, — министерство колоний.

В XVI—XVII веке были неизвестны слова «аннексия» и «колонизация», но сущность этих явлений вполне удачно передал публицист того времени Ю. Крижанич: — «**Татары ни от какого народа не суть были обдолены... А наш царь Иван Васильевич оторвал им Казань, Астрахань и Сибирь**». Итак, татары были «**обдолены**»: у них, в частности, была «**оторвана**» Астрахань, ставшая колонией «**Всеа России**». Воеводы и дьяки, дети боярские и отряды стрельцов, черное и белое духовенство, а за ними и русские и иноземные купцы двинулись из метрополии в Астраханскую колонию, чтобы утверждать здесь «дело и слово государево», не забывая при этом отнюдь своих «особых интересов» в местном крае, на своеобразном рынке Астрахани, в которой сочетались в XVII веке черты и Каспийского Кронштадта, и Каспийского торгового города Амстердама, и русской Шампани и русского Клондайка с неисчерпаемым «рыбным золотом». Короче говоря — на жаргоне русских дельцов в Астрахани для них это был «**Разбалуй-город**». Как орудие государственной политики метрополии, здесь, естественно, доминирующее положение занял вскоре же русский язык.

В частности, первое время (—во второй половине XVI века) здесь явно преобладало **северное окающее наречие** как «**вятского воинства**» завоевателя Астрахани Пронского-Шемяки, так и двинувшихся сюда переселенцев — северян с Камы и из Казанского края. Затем с речью северян — первых колонизаторов Астрахани все сильнее и сильнее стало переплетаться **южное акающее наречие**, как результат происшедшей в XVII в. переброски переселенцев из Поочья в районы строившихся в то время на Волге городов Самары, Саратова, Царицына и

¹ Размер дани: «Сорок тысяч алтын и три тысячи рыб матерых» в год.

Дмитриевска (—Камышин тож). Ясно, что от окающего и акающего просторечья стрельцов и крестьян, посланных «на низ» — в Астрахань «по государству указу», рядом черт (—фразеологических, лексических, синтаксических) отличалась столичная — **среднерусская речь москвичей**, напр. представителей светской и церковной власти, претендовавших на культурность и особый авторитет. **Московское просторечье** несли в Астрахань московские стрельцы и купцы; **просторечье разных русских областей** несли сюда и различные «гулящие» люди, и «бурлаки», и ссыльные за провинности монахи. Наконец, Разинское движение сделало в известный момент доминирующим в Астрахани и на нижней Волге **говор донского казачества**¹.

Но, несмотря на жестокий колониальный режим и руссификацию туземная **татарская речь** оставалась обычным явлением в Астрахани, причем неизбежно должно было развиваться **двуязычие** — обязательное или неизбежное для татар, но, конечно, вовсе необязательное для русских колонизаторов.

Татарский язык в Астрахани при этом необходимо рассматривать как группу разновидностей (наречий, говоров), потому что в Астрахани были и «**юртовские**» татары (—туземцы не гибридизированные), и «**гилянские**» татары (—гибридизация посредством браков татар и персов) и «агрьжанские» татары (аналогичная гибридизация татар и индусов) и татары «**погайские**» — в степях около Астрахани, и, наконец, пришлые **крымские** татары. Следовательно, городская речь астраханских татар имела разновидности юртовскую, гилянскую, агрьжанскую и даже крымскую. Все эти разновидности через двуязычие вступили в контакт с русской речью. Из степей астраханских надвигалась на город, нередко достигая его стен, рынка и государственных учреждений, речь **киргизская** и **калмыцкая**. В то же время на астраханском рынке — в гостинном дворе, на базарах (—«исадах»), наряду с русской и татарской речью, звучала речь **персидская**², **индусская**, **армянская**, речь купцов из **Хивы** («Хорезма» и его столицы «Юргенча»), из **Бухары**, с **Кавказа**, из **Греции**.

Далее, Астрахань начала XVII века слышала **польскую речь** отрядов Марины Мнишек и Заруцкого, звучала здесь **итальянская речь** монахов-капуцинов, посланных сюда Ватиканом, **венгерская речь** таких выходцев из Венгрии, как майор Паробич, организатор астраханского виноградарства.

Наконец, астраханские правящие круги XVII века имели возможность слышать **английскую речь** послов-полудипломатов и полукупцов, вроде Дженкинсона, и **немецкую речь** голштинцев, среди которых был известный Олеарий.

Итак, для Астрахани XVII века было очень характерно пестрое разноязычие среди ее постоянных и временных жителей, особенно среди заезжих купцов и различных «**мимохожих** и **мимоезжих**» послов. Отсюда, несмотря на привилегированное положение русского языка — двуязычие и даже многоязычие, как типичное для Астрахани явление; особенно важной при таких обстоятельствах была роль различ-

¹ Отсюда астраханское выражение XVII века: это было «при «казатчине», «в казатчину».

² Татары в XVII веке называли персов «кизилбашами» (красноголовыми).

ных и, видимо, многочисленных **толмачей** при воеводской избе и других учреждениях.

Ясно, что изолировать русский язык, язык победителей и колонизаторов Астрахани, от иноязычных и притом значительных наслоений было невозможно: эти напластования состояли в первую очередь и главным образом из лексического материала. Интересно отметить прежде всего отсутствие ярких следов влияния индусской и армянской лексики на астраханскую речь¹; это приходится объяснять тем, что армяне и особенно индусы-купцы занимались ростовщичеством, игрой на денежной русской валюте в буржуазных кругах Астрахани XVII века. Они не продавали товары и вещи, которые внесли бы в массы свои особые названия; массы ненавидели армянских и индусских купцов, из которых многие заплатились жизнью при Разине. С другой стороны, русско-персидские отношения оставили значительный персидский след на русской лексике Астрахани XVII века. За пределами Астрахани были известны русским такие названия персидских товаров, как «нефть», «бумага», «бакалея», «бурметь», «бумазея» (бумажные ткани); шелк «**аряский**», «**пырс**», «**изарбат**», «**лас**», «**ардаш**»; «**алтабас**», «**зен день**» и др. шелковые ткани; сукно «**настрафиль**»; русскими приняты были у персов и такие слова, как «**ансырь**» (мера шелка) и «**чемодан**» (тара для товаров).

Кроме этих «товарных» персидизмов в речь русских в Астрахани XVII века вошли такие известные лишь именно здесь слова, как «**зимбиль**» (сумка из рогожи или чакана), «**кутум**» (ценная импортная рыба — вырезуб, а также волжский проток у Астрахани), «**Шемая**» (импортная редкая рыба — «**шах-маге**» — царская рыба,) «**хаки**» — соляные грязи, ср. «**Тин(х)аки**» — лечебные грязи под Астраханью.

Итак, можно считать закономерной прямо пропорциональную связь между видами импортировавшихся в Астрахань XVII века персидских товаров и определенным количеством специфических, прежде всего «товарных» этранжизмов, взятых русскими из персидской лексики. Контакт и гибридизацию русской и персидской лексики вызывал и регулировал в первую очередь и главным образом астраханский рынок, этот своеобразный филиал всероссийского рынка XVII века.

Глава 2. Более сложным и разносторонним был процесс гибридизации лексики победителей — русских и побежденных — татар; начало этого процесса относится ко второй половине XVI века (по взятии Астрахани); характерные его черты вполне определяются в XVII веке.

Нет ничего удивительного в том, что самым значительным следом освоенных русскими в Астрахани этранжизмов были именно **татаризмы**. В завоеванном своеобразнейшем Астраханском крае многое представлялось русским колонизаторам новым, невиданным и неслышанным; в ряде случаев оказывалась совершенно неприменимой русская лексика. Победителям пришлось заимствовать у побежденного «юртовского» татарского населения многое из системы местных слов и выражений, относившихся прежде всего к специфическим экономгеографическим явлениям на Нижней Волге и в Астраханском крае.

---

¹ Можно отметить лишь слова — «**гиндуан**» (—арбуз, вероятно, индусское) «**лобье**» (**фасоль**) и «**паныр**» (сыр) — армянские.

Так прежде всего русские приняли местную топонимику; у завоеванного города было сохранено татарское название **«Астрахань»** (ср. ранние русские редакции — «Асторохань», «Астарохань»¹).

Отстраняя ряд весьма сомнительных этимологий слова Астрахань, необходимо остановиться на следующем объяснении: **«Ас-тархан»**. **«Тархан»**, по-татарски — свободный, вольный, в языке Московских приказов встречаем производные от этого слова: «тарханщик», **«тарханная грамота»**, **«тарханить»**, (—скупать, быть прасолами). Любопытно, что даже на отрогах Северного Урала, на берегу р. Чусовой имеется **«тарханов камень»**; следовательно, татары—«тарханы» (скупщики) были и на Урале².

«Тарханы» — свободные промышленники, мастеровые-оружейники, торговцы составляли в ряде «вольных» городков на нижней Волге свободное городское население, к числу таких тарханских городов, до завоевания их татарами и русскими, принадлежал и город «Ас — тархан». Что же касается корня «Ас», то это, бесспорно, название **Асов-Ясов-Осов**, см. летописное название Ясов (и касогов), которых еще Шахматов (—«Введение в курс истории р. яз.» 1916 г.) относил к северокавказским племенам; потомками Ясов являются осетины. Мирный и трудолюбивый народ Ясы-Асы еще в XI-XII в. жил на нижней Волге и в междуречьи между Волгой и Доном. Этот народ был побежден Святославом; он не оказал сопротивления и татарам (—родственному народу, тоже магометанам) и получил от Чингисхана тарханские права, долгое время сохранявшиеся.

К этому необходимо добавить, что на вышеуказанную этимологию слова «Астрахань» впоследствии могло наслоиться татарское толкование корня «Ас» в значении «нижний». Если были **«ас-тарханы»**, то были, следовательно, и **«юрге-тарханы»** (— «верхние», «верховые» тарханы). С этим можно сопоставить название столицы «Хорезма» (Хивы) — **«Юргенча»**, с другой стороны нужно вспомнить реку **«Асов»** с селом **«Асовским»**, впадающую в низовьях р. Барды б. Кунгурского у. Пермской губ. (см. Чупин «Словарь»).

Когда с XIV века Астрахань стала подвластной ханам Золотой орды, первенствующая роль в этом городе перешла к татарам, причем, однако, несомненно, что рядом с асами и татарами в Астрахани XIV — XVI века жили представители и других национальностей Востока. Так слово **«босурман»** («басурман»), применяемое Москвой в XVI—XVII веке по отношению к туземцам-астраханцам, указывает на их разнообразие и различие по национальности. — Это слово, повидимому, монгольское — из «бурзурномы» — (разноверные), оно контаминировалось с татарским «мусульман» (—последователь Ислама). Русские вложили в гибридное, монгольско-татарское слово «басурман» неприязненное, великодержавно-миссионерское значение—«безбожный», «неверный», «нехристь»³.

¹ Ср. в Уральских песнях о Разине — «Остроконь», «Остроканский».

² См. Чупин. «Географич. и статистическ. словарь Пермской губ.», 1874 г.

³ Наоборот, Разин в челобитье—письме к казанским татарам (1670 г.) в дружественном, отнюдь не в оскорбительном тоне обращается к «Казанским посадским, басурманом, «басурманским веродержавцам и абызом». (История Татарии, 1937 г.)

Своеобразно употребляли русские в XVI и начале XVII века и слово **«татары»**: в официальных документах нередко писали **«чувашские татары»**, **«мордовские татары»**, эта собирательность значения слова «татары» напоминает собирательную семантику слова «немцы», ср. **«аглицкие немцы»**.

Итак, колонизаторы Астрахани, приспособляясь к местной татарской речи, ввели в свой официальный и бытовой обиход такие слова, как **«юрт»** (см. высказывания Ивана Грозного), **«юртовские татары»**, **«басурманы»**, **«Астрахань»** с производными на русский лад — **«астраханец»**, **«астраханка»** (ср. **«девка-астраханка»** в песнях о Разине) **«астраханский»** и проч.

Практически освоили русские и местное, татарское слово **«бугор»** (из **«богри»-горб**). На низменной равнине, заливаемой по веснам волжской водой, бугры, т. е. плоские холмы, оказались удобными для постройки новой, колонизаторской Астрахани, причем татарское население было оттеснено с бугров, т. к. они имели стратегическое значение. Так для постройки Кремля¹ был выбран бугор с татарским названием **«Шабан»** («шабазг») — «великан», в русском просторечьи это слово Шабан (бугор) было вытеснено названием «заячий бугор». Татарского же происхождения названия бугров — **«Кулаковский»** (от «кул-ак» — белое озеро) и **«Тумановский»** (от «туман»). Прочие бугры в окрестностях Кремля получили русские эпитеты: **«голодный»**, **«казачий»**, **«Паробичев»** (по фамилии виноградаря Паробича), **«шареный»** (где стояла раньше татарская Астрахань). Этимология слова «шареный» недостаточно ясна: русские здесь «шарили» селитру для пороха, в то же время по-киргизски «шар» — солончаковая глина; затем, название «шареный» в просторечии было вытеснено эпитетом «жареный». Наконец, сохранилось и сейчас название одной из окраин Астрахани **«Царев»** (бугор или стан) и название улицы в татарской части Астрахани — **«Ямгурчев»** (бугор или стан), связанное с именем последнего астраханского хана Ямгурчея. Русские переделали название «Ямгурчев» в «Огурчев» — от «огуряться» или «огурец».

Официальная русская терминология широко применяла в Астрахани XVII века и ряд других татарских слов, вероятно, заимствованных еще в период подчинения русских Золотой орде, напр., слова **«казна»**, **«деньги»** (тат. «тяньга» — меновой двор), **«таможня»**, **«алтын»**, **«караван»**, **«атаман»**, **«эсаул»**, **«артель»** (тат. ортак — общий, орталык — товарищество), **«ватага»** (рыбачья артель), **«пай»** (ср. «пайуз» — удостоверение личности, выданное в Золотой орде ее представителю), **«кош»** (становище рыбаков) и пр.. Слова **«артель»**, **«ватага»**, **«ватажный»**, **«кош»** и **«кошовщик»**, в частности, вошли в XVII веке в русскую рыболовецкую терминологию на Нижней Волге; возможно, что от **«пайуз»** и название **«паюсной икры»**, т. е. икры с удостоверенным высокосортным качеством.

Обращаясь к татаризмам, имеющим ограниченно местный, астраханский характер, необходимо констатировать, что наиболее яркий и широкий след они оставили на языке русских колонизаторов XVI—

¹ Кремль построили из кирпича, привезенного из старой, татарской Астрахани, где были разобраны кирпичные постройки. Кирпич — татарское слово.

XVII века в области нижеволжской топонимики и рыболовецкой терминологии.

Правда, русские колонизаторы XVII века не заимствовали татарское слово «Атиль», «Этиль», а сохранили и в Астрахани общее для всей реки обрусевшее финское название «Волга»¹, навязав его татарам, но вся топонимика дельты р. Волги была ими заимствована у татар.

«Ахтуба» — крупнейший из рукавов Волги от «ак тубе» (белый холм), татарские же названия имеют и крупнейшие волжские протоки (ниже Астрахани), с XVI века известные как рыболовецкие, ранее — еще татарские, становища: **«Камызяк»** от «кам» — песок, **«узек»** — волжка, **«Яманчуг»** — от «яман» — дурной, «су» — вода, русские пытались переделать слово яманчуг в «Иванчуг», «Иванчук»; **«Чаган»** (от «чаган» — топор для глушения красной рыбы); **«Басаргинский»**. Далее протоки в дельте — **«Биктемир»** («бик» — много, «темир» — железо), **«Карабулак»** (Черная речка), **«Бузан»** («буз» — лед, «узан» — река), проток у Астрахани **«Болда»** («Балда») — «Большая» и «Малая» — от тат. «абалдак», досл. кольцо (срвн. «набалдашник» или «балдак» — чаша, «балдовина» — тенное озеро в Ярослав. обл., «Болдино» — имение Пушкина).

Наконец, у юртовских татар русские заимствовали слова **«култук»** от «кул» — озеро — мелкий морской залив (в астраханских документах: **«убить култук с нуждою великою»** — потерпеть аварию на култук), «бурун» — мыс, досл. нос; у татар или башкир заимствованы и слова **«Яик»** (тат. «Чжайяк»), **«Урал»** (сначала река, потом горы Южного Урала) от башкирского «Урала» — «изгибающийся», также — «пояс».

Все эти лексические примеры говорят за то, что до прихода русских и завоевания ими Астрахани астраханские татары плавали на судах (**«каиках»** или «кюйма») по Яику, Уралу, Нижней Волге и по взморью Каспия.

Далее бесспорно, что задолго до прихода русских татары астраханские были тесно связаны с Волгой и дельтой, как рыбпромышленники, ловцы. Так известно, что еще в XIV веке в низовьях Волги было много татар-рыбаков, называвшихся **«баликханами»** (дословно «рыболовецкий стан». «История Татарии»).

Это подтверждает и налог, **«ясак»** на Астрахань при ее взятии («3 тысячи рыб матерых» в год) и бесспорно татарское происхождение слова **«учуг»**. «Учуг» — деревянный забор, перегораживающий глубокий проток и снабженный посредине узкой длинной ловушкой²; здесь зашедшую красную рыбу **«чаганили»**, т. е. глушили **«чаганом»** — топором на длинном черене. Учуги были построены татарами на становищах «Камызяк», «Яманчуг», «Чаган» и др.; их к XVI веку было всего 5—7, но при обилии красной рыбы, шедшей вверх по Волге метать икру, учуги были золотым дном по своей доходности. Можно считать, напр., правдоподобными сведения о том, что на учугах XVI века у красной рыбы брали лишь икру, а туши рыб-осетров, белуг выбрасывали обратно в воду.

¹ Древнейшее, вероятно, арабское название «Ра» не сохранилось:

² Русские знали слово «учуг» до XIX-го века, хотя употребляли и слова — «забойка», «изба».

Русские вытеснили татар с рыбных промыслов, оставив лишь отдельным **«мурзам»** и **«табунным головам»** (начальникам и старшинам) второстепенные участки, причем Петр I уничтожил и эту привилегию. Вскоре по взятии Астрахани и на весь XVII век учуги переходят во владение астраханских монастырей, архиереев и Московского патриарха: **«учужные рыбные ловли»** были им **«пожалованы великими государями»**.

И все же, отгеснив татарских ловцов от крупных ловецких станов, русские рыбопромышленники и ловцы оказались под сильным воздействием татарской рыболовецкой терминологии. Татаризмы: **«балчуг»**—рыбный базар (ср. **«Балчуг»** в Москве, слово **«балчужник»**—скупщик на базаре в Казани), **«салмовка»** от **«салма»**—лапша, рыбацье судно для мелкой рыбы-живца; **«асламка»**—(«осламка») каспийское ловецкое судно для лова «кусовыми» снастями белуг; **«музур»**—матрос на промысловом судне; **«охан»** (**«ахан»**) ставная сеть, употреблявшаяся и на Воли; и на взморье, производные **«оханщик»**, **«оханить»** (ср. гор. **«Оханск»** из **«Оханское»**, **«оханное»**, **«оханно»**); **«кармакан»** (от **«кармак»** крючок)—крюковая снасть на красную рыбу; **«кармак»**—самоловный прибор на белорыбицу для подледного лова; **«балберы»** (**«бау»**—веревка, **«бир»**—держки)—наплов из осокоревой коры для невода, для той же цели употреблялась связка **«чакана»**—местного болотного растения с малым удельным весом. Далее отметим—**«таш»**—камень, грузило для сетей, отсюда нитки для ташей—**«ташовник»**; **«чипчик»** (тат. «сарычипчик»)—чиж, балкарское воробей, птичка)—один из кольев, заколоченных в дно для закрепления стоечных сетей; **«кукан»**—веревка для нанизывания соленой или сушеной рыбы; **«шихан»**—гора льда на «осередке», т. е. на подводной морской косе (ср. на Урале—**«Шихан»**—оголенная вершина, напр. в Н. Тагиле). Ряд татаризмов в Астрахани XVII века был связан и с рыбой, как промысловым продуктом¹, отметим слова: **«башка»** (**«баш»**—голова)—голова рыбы; второе значение **«башка икры»**—мешок паюсной икры; **«чалбыш»** (**«чал»**—белый, **«баш»**—голова)—недомерок осетр, реже белужка (срвн. вольный русский перевод—«белоглазка»)²; **«шеврига»**, **«шеврига»**; **«севрюга»**—вид красной рыбы; **«шеврижина»** или **«севрюжина»**—сорт рыбы, как продукта.

«Балык» (собственно—«рыба») — соленая спинка красной рыбы; **«икра»** м. быть, от тат. **«бикра»**—осетр (икра не красной рыбы—«уулдык»), о татарском происхождении слова **«пайуз»** («паюс») сказано выше.

«Ястык»—яичники рыбы; **«ястычная икра»**—не очищенная, не «остряпанная».

«Судак» (вероятно, от **«су»**—вода и **«ак»**—белый)—род хищных рыб; **«сазан»**—род рыб из семейства карповых; **«лапыш»** (срвн. **«алабыш»**—окунь и **«олабуг»**—язь)—недомерок сазан; **«щука»** (вероятно, от тат. **«шуқ»**—«вор», хищник); см. **«щучий остров»**

¹ Ниже учтены лексикологические справки в книге Сабанеева «Рыбы России» 1874 г.

² Необходимо вспомнить Горьковское слово—прозвище «Челкаш» от турецко-татарского «чал»—седой и «каш»—лоб, брови («седолобый», «седобровый»)

вблизи Астрахани; **«чебак»** — лещ, чаще подлещик;¹ **«тарань»** (тат. «таратань») — вяленая или соленая плотва, густера; **«кутырь»** — пузырь у красной рыбы; **«тумак»** — рыбий язык; **«ярык»** — покатная рыба, т. е. выбившая икру и возвращающаяся обратно в море; **«тузлук»** («туз» — соль) — рассол для соления рыбы и икры. От татар русские приняли, далее, ряд названий применительно к астраханской флоре и фауне, напр. **«чилим»** — местный водяной орех, **«чертов орех»**, годный в пищу, отсюда прозвище астраханцев — **«чилимники»**, **«тал»** (**«стальник»** «чернотал», «краснотал») — кустарник из породы ивовых², **«кочеляба»**, **«чапучин»**, **«самаря»** — три сорта сальсапарели, корень которой применяется при сифилисе. Татарскими же являются названия таких астраханских животных и птиц, как **«сайгаки»** или **«сайги»** — степные антилопы, которых массами истребляли охотники астраханцы; **«караганки»** — черные лисы и **«корсаки»** («корсуки») — песочного цвета лисы; в Астрахани и за ее пределами к русской речи привилось слово **«карга»** — воона, в переносном значении — старая женщина, на Урале — железная скоба для крепления свай в забоях; только астраханское слово — **«кошкалдак»** — водяная курица или лысуха.

Наконец, слова **«киндяк»** (крашенная бумажная ткань), **«бязь»** — (бумажная ткань), **«ичиги»** — сафьянные сапоги и **«чигирь»** — водоподъемный снаряд для поливки садов (**«чигирище»** — колодец) показывают влияние татар на русскую промышленность, торговлю и промысла.

Особый интерес представляет ряд татарских слов, заимствованный русским просторечьем в Астрахани XVII века и получивший своеобразную семантику при применении в профессиональных диалектах и жаргонах (напр., в разбойничьем и воровском жаргоне). К таким жаргонизмам татарского происхождения относятся слова: **«батыга»**, **«батыжить»** (от имени хана Батыя) — хвостун, хвастать; **«шайтан»** — (тат. «черт») — место для крепления каната на судне или берегу, ср. русское **«чертенята»** — бруски, связывающие перо руля; **«лафа»** (тат. **«алафа»**) — жалованье) — приволье; **«якши»** — хорошо, **«яман»** — дурно; ср. поговорку: «ни яман, ни якши, а середня рука»³; **«бабай»**, **«бабайка»** (тат. — дед) — большой якорь; **«малай»** (тат. мальчик) — обращение к взрослому татарину; **«бусырь»** — хлам, глупость; **«акча»** — деньги, **«тулаем»** — оптом, **«барыш»** — прибыль, **«файда»** — убыток, **«ашать»** — есть, **«баш на баш»** (досл. «голова на голову») — прибыль рубль на рубль; **«айда»**, **«айдате»** — иди, идите, ехать **«айдаком»** — без седла.

Еще более жаргонный, воровской смысл был вложен русскими в следующие татарские слова: **«кармагал»** — шум, крик; **«ослам»** — барышник, **«осламка»** — воровка, **«осламно товар»** — товар для спекуляции; **«булга»**, **«булгачить»** — тревога, создать суматоху; **«сазанью башку съел»** — о тех, кто прижился в Астрахани, **«шукать»** по-воровски — шарить;

¹ «Лещ», повидимому, из «плещ» (— плещущийся).

² Срвн. на Урале — «талова грамота» — бирочное письмо, неграмотность.

³ Срвн. уральские поговорки: «ах, в бишбармак тебя» (— к черту) или «бара бир — бог один, вера разная». (Бирюков. «Древ. фольклор на Урале»).

«майдан», «майданить» (от «майдан»—базар, площадь)—шайка, притон, карточная игра, «майданит Волга»—рябит, плещется на солнце.

К «блатным» словам, взятым русскими в Астрахани и Казани из татарского словаря, нужно отнести и слова: «буза», «бузить»—шум, скандалить; «чурек»—хлеб; «чирик»—четвертак; «бабай»—ростовщик; «балочка»—базар; «кича»—тюрьма, подвал, бочка; «сары»—золотые деньги (от «саре»—желтый, рыжий); срвн. русское воровское «рыжие бимеры» — золотые часы.

Можно думать, поэтому, что знаменитое волжское разбойничье (с XVII в.)—«сарынь на кичку» объясняется как «сары» на «кичу», т. е. золото, деньги на «кичу», т. е. на крышу каютки в носу или в корме судна; иначе сказать—«деньги на бочку».

Аналогичный пример—«дуван» и «дуванить»: на татарском, астраханском языке XVII века «дуван»—«таможня», а также «рассыльный»; след. «дуван», — «дуванить» переводится, примерно, как «распределять, растаскивать таможенные товары»; характерно, что астраханцев нередко называли «дуванщиками», а один из островов на Каспии назывался в XVII в. «Дуванной» или «Зимбиль» (слово персидское)

Ссылаясь на объяснение выражений «дуван, дуванить» и «сарынь на кичку» (по Далю), Жирмунский («Нац. язык и соц. диалекты» Лнгр. 1936 г.) вполне правильно замечает: «соображения теоретические заставляют думать, что уже «вольные люди», гулявшие на Волге в XVII—XVIII веке, должны были иметь свой тайный язык, как все подобные массовые объединения деклассированных. Указаний в этом направлении следовало бы искать в судебных документах, напр., в делах связанных с восстанием Разина и Пугачева»¹.

Теоретические соображения проф. Жирмунского, на основании рассмотренного нами выше материала, можно значительно расширить. Многочисленные и разнообразные по содержанию слова и выражения из юртовского татарского языка Астрахани в колониальный период ее истории (XVII в.) и ранее (в период Золотой орды) влились в лексику и фразеологию русского языка в всероссийском масштабе и в пределах Нижневолжского края.

Эти заимствования, как специфический *couleur local*, вошли и в официальный язык астраханской администрации (включая верхушку духовенства, владевшую «учугами»), и в просторечье купцов рыбопромышленников, посадских людей, ловцов и в жаргоны как астраханцев, так и «гуляющих людей» в низовьях Волги.

Глава 3. Вростание нерусских лексических элементов в язык русских колонизаторов Астрахани в XVII веке было процессом естественным и неизбежным, но ограничиться учетом только этих элементов еще недостаточно. Победители-колонизаторы, захватив все самое ценное в крае, теснили «басурман», навязывали им все то, что было узаконено государевой властью и феодальной традицией в метро-

¹ В связи с словами проф. Жирмунского вспоминаются замечания Исаака Массы о том, что «вольные люди» в XVII веке применяли и «оберниху», т. е. слова, сказанные с конца к началу. (И. Масса. Краткое известие о Московии в нач. XVII в. изд. 1937 г.

полии, на территории «Всеа Росии». Иначе сказать, шел принудительным порядком процесс вrastания русской культуры, государственного строя, а следовательно и русского языка в нерусский ассимилируемый край.

Поэтому необходимо взять на учет и факты, характеризующие поток русской речи, ворвавшийся вместе с колонизаторами в Астрахань и известным образом применявшийся к местным условиям. Конечно, это не был вообще русский язык: особые, специфические черты **имел административно-канцелярский стиль астраханской воеводской избы**, особые черты имела **профессиональная рыбопромышленная, ловецкая терминологическая система** и во многом с ней связанная **терминология торговая**, наконец, свои характерные черты имело **просторечье низовых слоев—посадских людей, стрельцов, «гулящих людей»** и «воровских казаков» в Астрахани¹.

Астраханская воеводская изба характеризовалась прежде всего грозным, терроризирующим и победным стилем. Выше уже отмечен грозный приказ, обращенный с угрозами по адресу татар, с ним гармонируют и такие победоносные выражения: «Божиею милостию, царя нашего рукою, **единого над солнцем страшила бусурманов и латынов** все восточные государства около Астрахани **государьского имени с великим страхом трепетуют**».

Характерны для Астраханской воеводской речи и записи распросных речей, нужных воеводской разведке, но едва ли приятных метрополии. Так, например, выяснилась при расспросах жалоба бухарских и хивинских послов «турскому» султану: «Государь Московский **поймал юрты бусурманские**, взял Казань да Астрахань и **разорил дей бусурманство**, а учинил **крестьянство**, а в Асторохань дей из многих земель **кораблям с торгом приход великий**, а доходит ему дей в Асторохане **тамги на день потысяче золотых**». Можно считать бесспорным, что стиль победоносных реляций и приказов и стиль тревожных, даже трусливых отписок к Москве (напр. о калмыках² и «воровских казаках»), переплетаясь друг с другом, а также с формулировками двусмысленными, лукавыми, дипломатичными (напр., в обращениях к иноземным послам, к калмыкам и ногайским татарам) являются спецификой официального письменного творчества астраханской избы второй половины XVI и XVII века.

В то же время русская официальная Астрахань считала своим патриотическим долгом подражать Москве и прочим русским городам, это сказывается в стиле русской астраханской топонимики XVII века: названия построек и улиц воеводы стремятся подвести под всероссийский шаблон. На бугре «Шабан» или «Заячьем» сначала был построен деревянный «острог», а затем московского стиля «**Кремль**»,

¹ Нерусские, в частности татарские, элементы входившие в состав этих языковых систем, уже отмечены и не должны, конечно, быть забыты при рассмотрении русских материалов, в которые они вросли.

² «такие де у них, калмыков, люди есть, что пришел под твою государеву отчину Астрахань среди лета и замечут ее снегом»...

Иногда в отписках к Москве приходилось признавать, что астраханские русские отряды были вынуждены, «от калмыцких людей **отойтить здорово и бесстрашно**»...

в нем «два зеленых двора», «царевичев двор», «приказные избы». Вокруг Кремля, «по чертежу», присланному из Москвы, был расположен «Белый город» или «Стрелецкий». В Кремле были ворота «Красные» «Никольские», «Житные» (у Житного двора), «Мочаговские» (местная особенность), «Татарские» (тоже), «Решеточные», «Вознесенские», «Спасские», «Исадские», «Горянские» (—к «Горянским», т. е. опасным в пожарном отношении участкам, где был лесной рынок и хлебопекарни), наконец, «Кабачки» и «Пречистенские» ворота.

Особо ярко выступает местная специфика в названии таких знаменитых астраханских кремлевских башен, как «Раскат» и «Пыточная».

Специфические особенности края давали себя чувствовать на каждом шагу; так если в земледельческих районах «Всея России» доминирующую роль в языке и правящих кругах и низов играли слова «земля», «хлеб» и «крестьянин» (— земледелец), то в качестве очень своеобразного соответствия здесь выступают в доминирующей роли актуальнейшие слова—«Волга», «рыба» и «ловец». Эти слова необходимо считать основой очень богатого и яркого профессионального рыбопромышленного, ловецкого словаря Астраханского края.

Этот словарь необходимо рассматривать как органическое целое из 1) татаризмов, 2) терминов, принесенных русскими ловцами с Верхней Волги, ее притоков и крупных северно-русских озер и 3) терминов, сложившихся в специфических условиях рыбных промыслов на Нижней Волге, отчасти в низовьях реки Ембы и у северного побережья Каспия¹.

Вытесняя татарское слово «баликханы», с верховьев Волги и с северных русских озер пришло в Астрахань слово «ловец», известное и на Белом море (— слово «рыбник» было более редким). — «Ловцам царя и великого государя» сейчас же по взятии Астрахани было дано право — «ловить от Казани до Астрахани и до моря безданно и безъявочно» (позже эти льготы были уничтожены). Около общих по корню актуальнейших слов «ловец» и «ловить» образовался пучок производных: «лов» («не ловля»), «залов» — начало лова, «отлов» — конец лова, «незалов» — неудача лова, «перелов» — обильный лов, «ловецкий» — (промысел, костюм, снаряд, стан). Слово «ловец» требует уточнения. Во-первых, среди ловцов на всякую рыбу должен быть выделен «красноловец», т. е. ловец исключительно «красной» рыбы. Во-вторых, «ловец», в полном смысле этого слова, только тот, кто выходит в пугину с артелью на «своейской» лодке, нередко со «своейской» снастью (конечно, небольшой). В-третьих, если считать (для XVII в.) средняком-ловцом «ловца-двухлодочника», у которого есть основная лодка и вспомогательная, то, с одной стороны, «многолодочные» ловцы оказывались хозяйчиками, набиравшими себе батраков, а с другой — закабаленные заемными деньгами («на справу») становились «половинщиками» в улове хозяйчика или, при полном закабалении — «работниками» на его

¹ Из 24-х названий Каспийского моря астраханцы-русские в XVII веке, по-видимому, знали лишь название «море Хвалынское» («Хвалимское») или, может быть, «Море Астраханское».

лодке. Весьма характерно, что в Астраханском крае это закабаление рыбопромышленниками ловцов, а также солепромышленниками — «рабочих людей», из числа бежавших «на низ» крепостных, «гулящих людей», выкупленных «полоняков» и купленных в рабство «басурман», предшествовало введению общерусских крепостных отношений ловцов и переселенных из метрополии крестьян к помещикам¹.

Ясно, что с «промышленной рыбы» «сходила пошлина» — в таможенно, напр., в виде «оброчной третьей рыбы» (ср. «Допросные речи» о ловле рыбы в Сибирских реках в XVII в. Документы Свердловского Облархива), о «сотой и десятой рыбе» говорят Казанские документы XVI в. (см. «Историю Татарии»).

Из сказанного ясно, что для ловцов чрезвычайно актуальными были термины «лодка» и «снасть» — это было название основных орудий и средств производства, аналогичных лошади и сельскохозяйственному инвентарю у землепашца.

I. «Лодка», «лотка», «лотченка труба» (долбленка с нашитыми бортами) у волжского ловца была снабжена «распашными» или опашными «отпашными» веслами, «гребными» или «лотошными» (ср. Уральское — «лодочка разгребная»), а также дубовым «кормовым навесным веслом». Вспомогательной лодкой была маленькая долбленая «остроноска» (после XVII в. — «бударка»). (Для перевозки неводов служила большая лодка — «неводник»). В XVII в. уже, вероятно, существовали «морские ловецкие лодки» или «черневые суда», с подразделением на «стоечные» и «плавные» или «плавновские». После XVII века «стоечные» суда в море² служили и для «остряпывания» пойманной рыбы, и для «живоды» — мелкой рыбы — приманки, отсюда термины — «живодные суда» с «живодниками» или «кусовичами», т. е. ловцами белуг на «живодь».

«Плавные суда» получили дифференцированные названия: «реюшки», «багроуши», «фырки», «подчалки», «бударки», «подъездные», «косные». От ловецких лодок необходимо отличать «суда» («суденки») грузовые и пассажирские. По Волге до XVII века плавали «ушкуи», в XVII веке — «струги» или «стружки», как пассажирские гребные и парусные суда; грузовыми были «насады», «завозни», «паузки» (из «павозки»), «дощеники». Для дипломатических и торговых поездок вглубь Каспия употреблялись в XVII в. «бусы» — обрусевший северогерманский термин, занесенный с Белого и Балтийского моря, т. е. суда примитивной конструкции, которые при ветре «отыгрывались» от волн, пока их не прибывало к берегу; из «бусных снастей» отметим, кроме прямых парусов, мешки с песком для балласта, называвшиеся «немцами». На «бусах» были «вожи» (лоцмана), матросы — «кормщики» или «корщики» и «нососовщики», были и «махони» (сигнальщики).

При плаваньи морем вожи «примерялись к прежнему. морскому ходу, чтобы морем итти было бесстрашно», т. е. руководились только опытом; в ходу были выражения: «выгрывать в море», «бегали по мо-

¹ Последние появились в Астраханском крае лишь в XVIII веке, когда Екатерина II стала «жаловать» здесь земли дворянам и чиновникам; стали «помещиками» и отдельные рыбопромышленники, купцы.

² До революции их выводили в море маленькие пароходики — «горчицы»:

рю», когда «ставилась дорога» (— навигация); «догоняли до Астрахани на низ Волгою; гребцы или «плавщики» «сидели в гребле», «огня в день и в ночь отнюдь на судах не было», с пассажиров брали «головщину».

II. «Снасти» волжских и морских ловцов делились на неподвижные и подвижные. Неподвижные — «учуги» (см. выше) или «забойки», где «багрячей» (работники с баграми) «чекушили» чаканами (глушили топорами) и вынимали «сандовейми» (острогами в две вилки) красную рыбу; строительной деталью на «забойках» было «киты», т. е. кули с землей и камнем. Мелкие неподвижные снасти — «коты», т. е. ловушки из камыша на небольших речках и протоках. Типичными подвижными снастями (с XVI в.) были «плавные» снасти, напр. «погоняй» и «возьмиха» — легкие сети, уносимые течением. В этих сетях осетры легко могли «объячаться», т. е. запутаться «кулаками» (— грудными плавниками) и «жучками» (шпирами). Как вторая разновидность подвижных сетей, должны быть названы «ставные» сети — «охан» (см. выше), «эмбенская сеть», «свинчатка». Эти сети привязывались «сторожами», т. е. веревками к кольям, вбитым в дно (напр. к «чипчикам»). Иногда ставные сети объединялись в «связки» при крупном лове; ряд «связок» — «порядок», т. е. сеточные заграждения.

В Астрахани XVII века известен, как подвижная снасть, и «невод», завезенный сюда с севера и применявшийся обычно на монастырских промыслах. Неводы различались «стрежневые» (для лова на «стрежне» Волги), «ильменные» и «разборные» — для лова в «ериках» и «подстепках» (протоках, ушедших «под степь»), а также в «чернях», т. е. на густо поросшем камышом побережье Каспия.

По размеру ячей невод мог быть «редиль» (с редкими ячейками), «межеумок» (с средними ячейками) и «частик» (с частыми ячейками) — откуда название «частиковой» рыбы; общее полотноце невода — «протяз» с веревочной кромкой — «подборами» и «обузой». По верхнему «подбору» закреплены на «тоньках» (бичевках) «балберы» (наплова) или «плутцы», по нижнему «подбору» расположены «таши» (грузила).

В середине невод имеет «мотню»; по «крыльям» невода, иначе по краям «ног» невода, закреплены «клячи» — палки с «урезами», т. е. веревками-петлями; к «урезам» привязываются длинные веревки: «пятная» — с ней «пятятся» берегом рыбаки — «пятчики», другая веревка «бежная», завозится с дальней «ногой» невода и подтягивается к берегу. Рыба из невода черпается «зюзгой» (сачком). Спуск невода (и иной снасти) называется «выложить» или «выбивать» снасть, выемка из воды — «выдирка», «выдирать» снасть; невода сушатся на «вешалах», чинятся — «обряжаются».

Наконец, к типу подвижных ставных снастей относится «крюковая» снасть, состоящая из основной веревки — «хребтины» (варианты — «коряжник», «сеточник», «возжанка», «поводец»), к хребтине прикреплялись «верхнее» или «грузнее» «кованцы», крючки на «поводцах».

Следовательно, ловцы XVII века были преимущественно волжскими ловцами, которые во время «хода» рыбы и «окатывания» к морю

встречали ее с снастями на «стрежне», в протоках, ериках, подстенках, а также на **«рубце»** (— на месте впадения Волги в Каспий) и в «чернях». Данных же о морских «путинах» в Каспий в XVII веке не имеется. Место остановки ловецких лодок и стругов с товарами у Астрахани уже в XVII веке называлось **«исадами»**¹. Это название было занесено сюда с севера **«плавщиками»** и **«бурлаками»** (от тат. «булга» — шум). В частности, бурлацизмами надо считать выражения: **«бичевник»** — край берега для хода **«бичевой»**; **«шишка»** — головной бурлак; **«косные»** — задние бурлаки, которые **«ссаривают»** — сбрасывают бичеву с кустов; **«букатик»**, **«дядя»** — водолив (ср. **«букатка»** — бурлацкая еда).

Ловцами нижней Волги, повидимому, в XVII веке, кроме общей волжской терминологии, была выработана местная специфическая терминология. — Лед весной не на быстром течении **«изнывает»** и **«распалается»**, т. е. тает и опускается на дно. Дельта Волги — **«раздор»** с **«рубцом»** (см. выше). От слова **«черни»** (— побережье с камышами) возникли выражения: **«черневой лов»**, **«идти чернисто»** (берегом), **«черни открылись»**, **«черни примаячивают»** (видны), **«черни завесились»** (скрылись из вида). Ветры в Астрахани назывались ловцами — **«верховый»**, **«горный»** или **«горыч»**, **«сарайчик»** (восточный), **«моряна»** (с моря), сообразно с этим в море был **«относный»** и **«наносный»** ветер. При «моряне», а также при половодье волжская вода **«давит»** на поймы — **«займища»**, пока не **«задумается»**; вода наносит на берега **«шубу»** (или сор).

Итак, очевидно, что крестьянская, земледельческая лексика отступила в Астрахани XVII века на задний план², она оттеснена волгаризмами, ловецкой терминологией.

Рыба, как продукт и товар, в этой терминологии занимает в XVII веке такое же доминирующее положение, как хлеб в земледельческих районах «всёя России».

На первом месте, конечно, нужно поставить термин **«красная рыба»** (— известная аналогия с пшеницей), на втором месте **«частиковая рыба»** (— известная аналогия с рожью). Среди красной рыбы (бескостной, хрящевой) первое место занимал в астраханском лове **«осетр»**, широко известный как на всероссийском, так и на зарубежных рынках. Недаром «повесть о ерше» называет осетра **«большим боярином и воеводой»**, а «голый человек» в повестях XVII в. (изд. Адриановой — Перетц) говорит: **«ял бы я, молодец, рыбу осетрину свежую, да мыт меня изоймет»** (— «Азбука о голом и не-богатом человеке»).

С другой стороны, простонародные лечебники XVII в. (по сборнику Флоринского) подчеркивают диетические и целебные свойства осетрины: **«Осетр есть рыба к ядению здоровее белуги: живот подгверждает... печень его добре здорово человеку ясти: очи уздравляет ото всех болезней и светлы творит»...**

К красным рыбам, кроме осетров и **«шевриг»**, **«севрюг»** (см. выше) относятся и **«белуги»**, **«обжоры»**, **«хапуги»**. И белужатине ле-

¹ Ср. торговец рыбой — **«исадчик»**

² Климат был слишком сух для посевов злаков; траву «аржанец» приходилось косить часто в воде (при половодьи) на буграх («бугровое сено»).

чебники XVII в. дают довольно лестный отзыв: «белуга есть рыба ко ядению добре добра свежая, жареная... А кто часто приемлет, нутрь отягчает и пропущение живота творит». По своим размерам, осетры, шеврюги и белуги были «матерые» (очень крупные) и «собкие» (мерные).

На «заводах рыболовных» улов рыбы — «холодной» (зимней), «жарской», «жаркой» (летней) сортировался: отбрасывалась «изъянная», сохранялась свежей «колотчетая» или «колодка», (напр. зимой «пылкая», замерзшая на «пере»), прочая солилась; круто посоленая рыба называлась «коренной», ее куски и пласти укладывали в бочки (см. «пазлонка» или «бочешная белужика», «звена» или «звенья ступишные» осетрины).

«Балышники», т. е. мастера по изготовлению балыков, «спеют» (вялят подсолив) балыки — хребтовые срезы¹ и «теши» — брюшки красной рыбы; ценным продуктом являлась и «везига» («пруты») — сушеные спинные хрящи.

Но наиболее ценным продуктом, добывавшимся из красной рыбы, была с XVII в. «икра» — драгоценный товар, экспортировавшийся в Голландию, Францию, Англию, Италию, а также лакомство для феодальной русской знати (— «икра осетра гораздо живот подтверждает» указывают лечебники XVII века). Лучший сорт икры — «зернистая черная» (особенно белужья), второй сорт — «паюсная»; низшие сорта — «ястычная» и «лопанец» или «откидная», из которой вытекло «молоко».

По сравнению с красной рыбой, вторым сортом была «частиковая рыба», т. е. попадавшая в частые сети. Лучшей рыбой из частичковой считалась «белая рыбица» или «беленькая» (из лососевых); московские гастрономы особо ценили «спинку», «звено», «потрох» «белые рыбицы»; в лечебниках XVII века отмечалось, что она «сладка к естве и угодна ко здравию человеческому. А кто ее ест, желудок подтверждает и всю внутреннюю укрепляет». Прочая частичковая рыба вызывала иронические замечания гастрономов: «Судак — рыба грубая к естве и не стройная в желудке». «Сом — рыба — пища убогих людей»... (Лечебники XVII века).

Мелкая рыба — «тарань», «чехонь», («бешенка», «веселка», «железняк») «дергуец» (уклейка) и проч. выкидывалась рыбопромышленниками и за товар не считалась.

Мерой рыбы, как товара, были «мтины» (16 соленых или сушеных рыб), «навески» (1000 штук), и просто «чалки» (— связки сушеной рыбы без счета).

Рассмотренные выше волгаризмы и ловецкая терминология XVII века подводят нас близко к просторечию астраханского низового населения. Но найти следы этого просторечья, тем более в виде цельной контекстной речи, нелегко, т. к. астраханские летописцы, естественно отнюдь не стремились к особо точной фиксации слов и выражений низовой речи. Своеобразные диалектологические записи голштинца Оллария, слышавшего в Астрахани XVII в. выражения — «ja winowat», «Sabak», «bleadin sun», чрезвычайно скупы.

¹ Спинной срез у белуги «—схаб».

Некоторые любопытные материалы, характеризующие народную речь в Астрахани при «воровских» казаках-разинцах, можно извлечь, правда, из местной «Ключаревской» летописи. Так при Разине Астраханский митрополит Иосиф и некоторые бояре были сброшены с «раската», т. е. кремлевской башни после своеобразного народного голосования. — Народу (астраханцам и казакам) трижды был задан с раската вопрос: «Пех? Не пех? Перепех?», и трижды народ кричал — «Пех... Перепех...», что означало всенародное решение сбросить («спихнуть») с раската осужденных.

Речь «воровских казаков» восстановить очень трудно, потому что, как известно, после Разинского восстания сжигались даже те, у кого находили «прелестные письма» Разина и его сподвижников.

Поэтому можно считать большой удачей обнаружение мной на 6-ти столбцах «дел епархиальных» в Астраханском областном архиве допросных речей астраханского духовенства по вопросу о «воровском приговоре» Разинцев в последние дни перед захватом Астрахани Московским карательным отрядом. Путем сопоставления ряда показаний можно с полной достоверностью установить яркую и по содержанию и по языку следующую редакцию этого приговора.

— «Атаманы и все казаки донские, и астраханские, и терские, и пушкари, и затинщики, и посадские люди, из гостина двора торговые люди написали меж собою письмо, что жить здесь в Астрахани в любви и совете и никою в Астрахани не побивать, и стоять друг за друга единодушно, и ити им вверху и побивать, и выводить изменников бояр»...